

А. МИЛЛИОНОВ

ТЕНДЕР

на развод

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Миллионов

Тендер на развод

«Автор»

2026

Миллионов А.

Тендер на развод / А. Миллионов — «Автор», 2026

Семья на грани, бизнес под угрозой, а характер Сергея Ивановича — его главный враг. Сумеет ли он вовремя остановиться и изменить себя, прежде чем потеряет всё?* Имена персонажей, места, и топографические названия изменены.

© Миллионов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Фасад	5
Глава 2. Фундамент	7
Глава 3. Цедент	11
Глава 4. Каверна	12
Глава 5. Крен	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Тендер на развод

Глава 1. Фасад

Сергей Иванович привык к тишине, которая в его доме была не признаком покоя, а формой вежливой изоляции. Эта беззвучность имела плотность и вес; она заполняла углы гостиной, оседала на антикварном буфете и гасила любые попытки искреннего разговора. Отношения трещали по швам, как фасад исторического здания, покрываясь глубокими щелями и сетью мелких трещин, и он знал этому причину. На кухне, залитой холодным утренним светом, Марина резала сыр — методично, тонкими, почти прозрачными ломтиками, которые ложились на тарелку идеальным веером. В этом была вся её натура: аккуратность, граничащая с одержимостью, и полное отсутствие лишних движений.

— Ты сегодня поздно? — спросила она, не поднимая глаз и продолжая свое гипнотическое занятие. Стальное лезвие ножа едва слышно стукнуло о дерево доски.

— Совещание по объекту в Гатчине, — ответил Сергей Иванович, слишком внимательно изучая темные чайники на дне своей чашки, словно пытаясь прочесть в них свою судьбу. — Знаешь же, как они затягивают. Эти бесконечные согласования, проблемы с фундаментом... Раньше восьми точно не закончим.

Это была правда. Совещание действительно было назначено на полдень, и повестка дня была изнурительной. Но оно заканчивалось в пять, а домой он планировал вернуться к полуночи, чтобы еще несколько часов провести в той другой, неправильной, но живой реальности. Ложь вошла в его жизнь не как громкое событие, а как мелкая штукатурка: сначала незаметно, потом — слоем, который уже невозможно просто смахнуть, не испачкав рук.

Марина кивнула, аккуратно перекладывая сыр на блюде с золотой каемкой. Она никогда не проверяла его телефон, оставленный на тумбочке, не устраивала сцен из-за остывшего ужина и не пахла чужими духами, пытаясь вызвать дешевую ревность. Она была властной идеальной женой, воплощением спокойствия и достоинства, и именно эта её «идеальность» душила его больше всего, перекрывая доступ кислорода. В её присутствии он чувствовал себя не мужем и не мужчиной, а неисправным механизмом, какой-то лишней шестеренкой в безупречно работающей часовой мастерской, где каждый тик и так были выверены столетиями.

— Тебе идет этот галстук, — вдруг добавила она, отложив нож и посмотрев ему прямо в глаза — долго, изучающе, словно видела его насквозь.

Сергей Иванович почувствовал, как в груди что-то неприятно сжалось, липкий холод пробежал вдоль позвоночника. Он непроизвольно поправил узел на шее, чувствуя, как шелк обжигает кожу. Этот недорогой галстук подарила ему Лена две недели назад, выбрав его под цвет его глаз в маленьком магазине на окраине Гатчины.

До самого завершения завтрака они не проронили ни слова. Сергей Иванович накинул пальто, вышел во двор, сел в свой Кайен и уехал в Петербург на совещание.

Совещание прошло не совсем удачно для его компании. Мысли были только о Лене. Он быстро попрощался с коллегами и поспешил обратно в Гатчину.

Гатчина встретила его мелким, липким дождем. Серые капли бежали по лобовому стеклу, размывая огни редких фонарей и превращая старинные улочки в декорации к фильму. Сергей Иванович, сбросив скорость, припарковал машину в двух кварталах от его тайной квартиры, в которой проживала Лена. Он всегда так делал — осторожность стала его вторым инстинктом, почти спортивным азартом, заставляющим проверять зеркала заднего вида и выбирать неосвещенные участки тротуара.

Лена была полной противоположностью Марины. Если дома всё было «правильно» — накрахмаленные, хрустящие простыни, болезненная симметрия в расстановке книг на полках, выверенные до полутона интонации — то здесь царил живой, пульсирующий хаос. В прихожей пахло уютной домашней корицей и какими-то дешевыми ароматическими свечами с запахом ванили, на диване вечно валялись раскиданные эскизы. Она рисовала замысловатые фасады зданий для архитектурной мастерской — фирмы-партнера Сергея Ивановича. Лена была очень открытой женщиной, и могла смеяться так искренне и громко, что у Сергея Ивановича порой закладывало уши.

— Опять опоздал, «господин директор», — бросила она, не отрываясь от мольберта, на котором величаво красовались диковинные арки и карнизы. — Твоя совесть работает по жесткому графику или у неё сегодня бессрочный отпуск за свой счет?

Он не ответил, лишь тихо закрыл дверь и обнял её со спины, зарывшись лицом в копну растрепанных волос и чувствуя под пальцами мягкий, немного колющий трикотаж свитера. С ней он не был «Сергеем Ивановичем», солидным мужчиной с тяжелым взглядом и сединой на висках. Здесь, в этой пропахшей красками комнате, он был просто Сережей.

— Совесть осталась в пробке на КАДе, — прошептал он, закрывая глаза. — Там сегодня особенно плотно.

— Ну конечно, — хмыкнула она, откладывая кисть. — Пробки — универсальное оправдание для всех грешников Петербурга.

Вечер пролетел в том странном мареве, которое бывает только у людей, живущих двойной жизнью, где часы бегут в два раза быстрее положенного. Они пили недорогое вино из совершенно непарных бокалов, обсуждали какую-то очаровательную чепуху вроде планов на лето или новой выставки в Манеже, и на мгновение Сергею показалось, что вот она — настоящая жизнь, свободная от условностей и долга. Но стоило старым часам на стене показать 22:00, как внутри него сработал безжалостный невидимый тумблер. Тревога, до этого мирно дремавшая в темном углу комнаты, внезапно проснулась и ледяными пальцами вцепилась в горло.

— Тебе пора, — сухо сказала Лена, мгновенно заметив, как он украдкой потянулся к лежащему экраном вниз телефону. Её веселость исчезла, как не бывало, оставив лишь усталость в уголках губ. — Иди к своей святой Марине. Она, небось, уже все салфетки по линейке разложила.

— Лена, пожалуйста, не начинай этот разговор снова...

— Я не начинаю. Я просто констатирую очевидное. Знаешь, что самое смешное в твоём маскараде? — Она обернулась и посмотрела на него с пугающей жалостью. — Она ведь всё знает. Женщины всегда чувствуют, когда их перестают любить, когда вместо человека рядом остается лишь его пустая оболочка. Она просто слишком гордая, чтобы тебе об этом сказать и разрушить ваш идеальный фасад. Или ей просто слишком удобно быть женой успешного человека.

Слова Лены хлестнули его сильнее, чем резкий холодный ветер на улице, когда он вышел из подъезда. Садясь в машину и прогревая мотор, он долго смотрел на свои руки на руле, которые заметно дрожали. Тот самый галстук, который еще утром казался символом его новой тайной силы, теперь стягивал шею, словно грубая удавка.

Глава 2. Фундамент

Когда он наконец вернулся домой, в окна гостиной всё еще горел приглушенный свет. Марина сидела в кресле с раскрытой книгой, которую, судя по неподвижному взгляду, не перелистывала уже добрый час.

— Кофе будешь? — спросила она будничным тоном, даже не взглянув на настенные часы, показывающие полночь. — Я как раз сварила свежий. С корицей. Как ты любишь.

Сергей Иванович замер в дверном проеме, чувствуя, как пол уходит из-под его ног. Он никогда не говорил Марине, что внезапно полюбил кофе с корицей; эту привычку, как и запах чужой жизни, он принес от Лены всего месяц назад.

Он почувствовал, как по спине пробежал холодок. Запах корицы, обычно уютный и пряный, сейчас казался ему сигналом химической атаки, удушливым газом, проникающим в самые легкие. Он медленно, почти торжественно снял пиджак, стараясь, чтобы движения выглядели естественными, хотя его суставы словно заржавели. Каждое движение — от расстегнутой пуговицы до аккуратного складывания ткани на спинку стула — казалось ему алиби, которое рассыпалось на глазах.

— Корица? — переспросил он, прокашливая внезапно пересохшее горло и не узнавая собственного дребезжащего голоса. — С чего вдруг? Ты же всегда говорила, что она перебивает благородный вкус зёрен, называла это «варварством».

Марина наконец подняла на него взгляд. В её глазах не было ни ожидаемой ярости, ни привычных слёз — только бездонная, пугающая своей неподвижностью усталость, какая бывает у людей, долго несших непосильный груз. Она аккуратно, без единого лишнего звука закрыла толстую книгу, заложив страницу тонкой атласной лентой.

— Захотелось перемен, — тихо ответила она, и этот шепот прозвучал громче крика в звенящей пустоте гостиной. — Разве тебе не нравится? Я заметила, что в последнее время от твоих рубашек пахнет именно так — сладко, терпко, чуждо. Я подумала, тебе будет приятно ощутить этот знакомый запах и дома, в своей крепости.

Она не спеша встала и подошла к нему вплотную. Сергей Иванович непроизвольно затаил дыхание, боясь, что любой выдох выдаст его с головой. Марина протянула руки и поправила ему воротник — тот самый жест, который раньше казался ему высшим проявлением нежной заботы, а теперь выглядел как проверка палачом прочности петли перед тем, как выбить табурет. Её холодные пальцы на секунду коснулись его шеи.

— Кстати, о переменах, — продолжала она, и её голос оставался ровным, лишенным всякой эмоциональной окраски. — Завтра суббота, у тебя ведь нет «внеплановых совещаний»? Я записала нас на консультацию к нотариусу, на десять утра. По поводу переоформления дачи в Репино и части квартир на детей. И... некоторых других, не менее важных документов.

— К нотариусу? Марина, послушай, сейчас не самое удачное время для этой бумажной бюрократии, я планировал завтра поехать на объект, там задержки с поставками...

— Я знаю, что ты планировал, Сережа, — перебила она его, и в этом мягком «Сережа» вместо привычного официального «Сергей» промелькнуло нечто острое, как хирургический скальпель. — Но документы не ждут своего часа, в отличие от людей. Возьми свой портфель, я уже положила туда полный список того, что нам нужно взять с собой. Посмотри сейчас, чтобы завтра не метаться в поисках и не терять драгоценное время.

Она вышла из комнаты так же бесшумно, как и жила все эти годы, оставив его наедине с чашкой остывающего кофе, над которой всё еще вился тонкий, насмешливый аромат пряности. Сергей Иванович на ватных, не слушающихся ногах подошел к кожаному портфелю,

брошенному на банкетку. Он щелкнул металлическими замками, и этот звук показался ему выстрелом в пустом зале.

Сверху на кожаных папках с документами лежал вовсе не их список. Там лежал небольшой, испачканный в яркой лазурной краске лоскут ткани — обрывок эскиза Лены, тот самый узор с куском чудного фасада, который он, должно быть, случайно зацепил рукавом или который она в порыве чувств втайне сунула ему в карман. А рядом — фотография, отпечатанная на качественной глянцевой бумаге. Не их старая свадебная в золоченой рамке, а свежий, четкий снимок, сделанный со спины: он, придерживающий дверь, и Лена, смеющаяся и закидывающая голову, у входа в ту самую неприметную квартиру в Гатчине.

Внизу, на белом поле снимка, аккуратным, каллиграфическим почерком Марины было приписано: «Кофе с корицей на столе. Развод на полке ниже».

Сергей Иванович почувствовал, как в висках застучала кровь, отдаваясь в ушах тяжелыми, неритмичными ударами. Паника, липкая, душная и постыдно унижительная, мгновенно вытеснила из сознания все остальные чувства, оставив лишь животный инстинкт самосохранения. Он схватил глянцевую фотографию, судорожно, с хрустом смял её в кулаке и бросил обратно в темное нутро портфеля, будто это неловкое движение могло уничтожить сам факт её существования и стереть прожитые месяцы обмана.

— Марина! — выкрикнул он, спотыкаясь о ковер и бросаясь в спальню, где горел лишь ночник. — Марина, выслушай меня! Это совсем не то, что ты думаешь! Это ошибка, какая-то нелепая провокация конкурентов! Они хотят меня подставить, разрушить нашу семью!

Она сидела на самом краю их огромной, безупречно заправленной кровати, не раздеваясь и даже не сняв домашних туфель. Её тонкий силуэт замер в полумраке; она неподвижно смотрела в окно на тусклый уличный фонарь, вокруг которого роились мотыльки.

— Провокация? — её голос прозвучал удивительно спокойно, она даже не обернулась на его шумное появление. — Пять месяцев бесконечных «совещаний» и «выездов на объект» в Гатчине — это тоже часть чьей-то провокации, Сережа? Тот факт, что ты купил ей те же самые духи с нотами жасмина, что дарил мне на десятилетие нашей свадьбы — это тоже чья-то злая, изощренная шутка?

— Подожди, умоляю, выслушай! — он подбежал к ней и почти рухнул на пол у её ног, пытаясь поймать её холодную, безжизненную руку. — Да, я признаю, я оступился, я совершил непоправимую глупость. Был чудовищно сложный период на объекте, постоянное давление со стороны заказчиков, суды, проверки... я... я просто запутался, Марина. Это всего лишь интрижка, понимаешь? Глупость, простая физиология, мимолетная вспышка, в которой нет ничего серьезного! Она для меня абсолютно никто, просто случайный способ снять стресс, чтобы не сойти с ума!

Марина медленно, словно через силу, повернула к нему голову. На её бледном лице впервые за весь этот бесконечный вечер появилась тень улыбки — горькой, болезненной и какой-то отрешенной.

— «Никто»? — переспросила она, и в её интонации послышался надрыв. — Ты с такой легкостью называешь человека «никто» ... Ту женщину, с которой делишь постель и чьи привычки, вкусы и даже запахи ты по крупицам приносишь в наш дом? Значит, если следовать твоей логике, и я для тебя за эти двадцать лет стала просто функцией? Удобной, привычной мебелью, которая вовремя варит кофе и не задает лишних вопросов?

— Нет! Что ты такое говоришь! Ты — моя единственная жена, ты — вся моя жизнь! — голос Сергея Ивановича сорвался на фальшивый, истеричный фальцет, от которого ему самому стало тошно. — Я всё исправлю, клянусь тебе. Я завтра же, прямо с утра, заблокирую её номер, я никогда больше не поеду в ту сторону. Мы уедем в отпуск, в Италию, куда ты хотела, мы начнем всё заново, мы...

— Посмотри на свои руки, — холодно и резко прервала она его поток бессвязных обещаний.

Он осекся на полуслове и посмотрел вниз, на свои ладони. Его дрожащие пальцы, которыми он только что судорожно сжимал её тонкую ладонь, были испачканы в яркой, трудно смываемой синей краске. Той самой акриловой лазури, которой Лена еще пару часов назад увлеченно рисовала свои эскизы и о которую он так неосторожно вытерся в порыве страсти. Он так отчаянно спешил «домой», так торопился надеть маску верного мужа, что даже не удосужился помыть руки.

— Ты стоишь здесь на коленях и просишь прощения, — почти прошептала Марина, и в её взгляде теперь читалось только брезгливое сочувствие, — но на тебе всё еще видны её следы. Уходи, Сергей Иванович. Иди к той, чью краску ты носишь на своей коже, как клеймо. Потому что в этом доме для тебя больше нет ни одного чистого места.

Сергей Иванович почувствовал, как земля уходит из-под ног, превращаясь в зыбучий песок, затягивающий его в бездну. В его сознании, привыкшем к четким договорам и соглашениям, жестким графикам и тотальному контролю над объектами, вспыхнула единственная, обжигающая мысль: если он сейчас выйдет за эту тяжелую дубовую дверь, вся его жизнь, выстраиваемая десятилетиями, превратится в груды дымящихся руин, которые он не готов восстанавливать.

— Марина, умоляю, послушай меня! — он ползал на коленях перед ней на ворсистом ковре, хватая ее за ноги и целуя их, совершенно не заботясь о том, как жалко и нелепо выглядит в своей дорогой французской рубашке. — Да, я виноват, я признаю это! Я совершил чудовищную, непростительную ошибку. Но разве двадцать лет нашей жизни, каждый наш день, каждую годовщину можно вот так просто перечеркнуть из-за одного пятна краски и случайной слабости?

Он мертвой хваткой вцепился губами в её ступни, игнорируя то, как брезгливо и отчаянно она пытается их отдернуть, словно от прикосновения к чему-то нечистому.

— Помнишь, как мы вместе строили этот дом? — голос его дрожал, срываясь на хрип. — Как в мороз ездили выбирать ту самую итальянскую плитку для кухни, как до хрипоты спорили из-за оттенка стен в гостиной? Это же не просто бетон и кирпичи, Марина, это мы! Это наша общая память! Я просто запутался, понимаешь? В пятьдесят лет мужчины часто сходят с ума, им кажется, что время бежит слишком быстро, что настоящая жизнь уходит сквозь пальцы... Она была просто... мимолетной иллюзией молодости, попыткой обмануть календарь. Но настоящая, глубокая жизнь — она здесь, только с тобой!

Марина замерла, её спина неестественно выпрямилась, а дыхание стало прерывистым и тяжелым. Сергей Иванович нутром почувствовал, что нащупал ту самую слабую, еще живую струну — их общее, выстраданное прошлое.

— Я завтра же, клянусь, передам все текущие дела заместителю, если ты этого хочешь. Мы продадим все лишние активы, мы уедем из этого города, начнем всё с чистого листа, на другом конце света! Я сделаю всё, абсолютно всё, что ты скажешь. Хочешь, я прямо сейчас, в эту секунду, при тебе удалю её номер и навсегда скажу ей, что, между нами, всё кончено?

Он трясущимися, вспотевшими руками выхватил из кармана смартфон и начал лихорадочно, путаясь в иконках, искать контакт, записанный как «Елена Эскизы».

— Смотри! — он нажал на кнопку вызова и включил громкую связь, положив телефон на кровать между ними.

В гнетущей тишине спальни, где, казалось, перестал работать даже кондиционер, раздались длинные, пустые и равнодушные гудки. Марина смотрела на светящийся экран телефона, как на ядовитую змею. Наконец, после четвертого гудка, послышался заспанный голос Лены:

— Сереж? Ты с ума сошел звонить в такое время? Ты что-то забыл у меня? Или твоя хваленая совесть всё-таки проснулась и не дает уснуть?

Сергей Иванович, не отрывая взгляда от застывших глаз жены, почти прокричал в динамик, захлебываясь собственными словами:

— Лена, слушай внимательно: никогда, слышишь, никогда мне больше не звони. Это была огромная ошибка, минутное помутнение. Всё, что было между нами — дешевая ложь и пыль. Я люблю свою жену и остаюсь в семье. Прощай навсегда.

Он резким, рваным движением сбросил вызов и тут же отправил номер в черный список. В комнате снова повисла тяжелая, ватная тишина, в которой был слышен только стук его собственного сердца.

— Вот и всё, — выдохнул он, преданно глядя на Марину и ожидая хотя бы тени прощения. — Её больше нет в моей жизни. Есть только мы.

Марина долго хранила молчание, всматриваясь в темноту экрана, а затем медленно, с каким-то новым, холодным любопытством перевела взгляд с давно погасшего телефона на его искаженное надеждой лицо.

— Знаешь, что в этом самое страшное? Ты только что предал её так же легко, трусливо и обыденно, как предавал меня все эти месяцы, — тихо, произнесла она. — Ты действительно думаешь, что этот дешевый спектакль — доказательство любви? Нет, Сережа. Это лишь финальное доказательство того, что ты любишь исключительно себя и свой привычный комфорт. Ты эгоист до мозга костей, и, боюсь, всегда им был.

Она медленно встала, без видимого усилия освободив свои ноги из его ослабевшей хватки. — Ты можешь остаться в этой комнате сегодня, я уйду в гостевую. Но завтра ровно в десять утра мы будем стоять у порога нотариуса. И если ты действительно, как ты выразился, хочешь «всё исправить», ты подпишешь полный отказ от своей доли в бизнесе и от этого дома в пользу детей. Без театральных сцен, без скандалов и утомительных судов. Это и будет цена твоего права «остаться».

Сергей Иванович замер, не в силах пошевелиться. Этот дом был его главной гордостью, его крепостью и самым дорогим сердцу активом, в который он годами вкладывал не только огромные деньги, но и все свои связи, силы и всё то, что считал своей душой. Условие Марины было хирургически точным: она забирала не просто стены, она забирала его фундамент, его статус «хозяина», оставляя взамен лишь право числиться её мужем. Каждое слово супруги резало воздух с той же методичностью, с которой она утром кромсала сыр. Но вид её холодного, решительного лица пугал его больше, чем перспектива потери имущества. В этот момент он остро осознал: если он сейчас откажется, если начнет торговаться или взывать к юридической справедливости, он потеряет не только дом, но и уважение детей, которые были для него единственным мерилom того, что он «хороший человек».

— Хорошо, — прохрипел он, опуская голову и глядя на свои руки, на которых уже высохла, но всё еще отчетливо синела краска Лены. — Если это то, что тебе нужно, чтобы поверить мне... я подпишу. Всё подпишу. Дети — это святое.

Марина ничего не ответила. Она даже не кивнула, лишь поправила складку на своем безупречном домашнем халате. Она вышла из спальни размеренным шагом, и вскоре он услышал, как в глубине коридора глухо хлопнула дверь гостевой комнаты. Впервые за двадцать лет он остался один в их огромной семейной постели, которая теперь казалась ему холодным плотом посреди океана — бескрайнего, беззвучного и смертельно опасного.

Глава 3. Цедент

Утро наступило серое и тяжелое, принеся с собой низкие тучи и давящую тишину. В кабинете нотариуса пахло старой бумагой, пылью и дешевым, приторно-сладким парфюмом секретаря. Сергей Иванович сидел на самом краешке жесткого стула, чувствуя себя школьником на ковре у директора. Нотариус, пожилая женщина с очками в роговой оправе, монотонно зачитывала пункты документа: «...передает в дар в равных долях... без права обременения...».

Когда перед ним положили договоры дарения на имущество и соглашение о передачи доли бизнеса, его рука на мгновение дрогнула. Перьевая ручка показалась неподъемной. Он посмотрел на Марину — она сидела идеально прямо, её профиль казался высеченным из мрамора на фоне темного книжного шкафа. В ней не было ни капли триумфа, ни тени злорадства, только бесконечное, ледяное спокойствие человека, который уже всё решил.

— Сергей Иванович, вы готовы? — сухо уточнила нотариус.

Он расписался. Раз, другой, третий, десятый. Тяжелые печати шлёпали по бумаге, как приговоры, отсекающие его от прошлого.

Выйдя на крыльцо нотариальной конторы под колючий ветер, Сергей Иванович сделал попытку вернуть привычный ход вещей. Он попытался взять Марину под локоть, заглядывая ей в глаза с заискивающей улыбкой.

— Ну вот и всё. Теперь ты видишь, что я готов на всё ради нас? Поедем пообедаем куда-нибудь? В тот ресторанчик у моста, помнишь?

Марина аккуратно, почти безразлично отстранилась и достала из сумки ключи от машины. Её взгляд прошел сквозь него.

— Я поеду к детям, Сережа. Расскажу им, какой щедрый подарок сделал им отец. А ты... ты можешь ехать домой. В «наш» дом. Но имей в виду: в спальне я распоряжусь установить замок. Прямо сегодня. Тебе выделена комната на первом этаже, бывшая кладовая для инструментов, рядом с котельной. Там достаточно места для кровати. Ты ведь хотел остаться? Оставайся. В роли гостя, которому разрешили пожить из жалости.

Она села в белый Рейндж Ровер, мотор сухо зарычал, и через мгновение она уехала, оставив его стоять на пустом тротуаре. Сергей Иванович стоял, прижимая к груди пустой портфель, в котором больше не было ни активов, ни власти. Он сохранил семью, сохранил фасад для соседей и партнеров, но внезапно понял, что за этим роскошным фасадом больше ничего нет. Он стал тенью в собственном дворце, а цена его «прощения» оказалась разрешением «гостить» в его собственном доме, на который он копил всю свою жизнь, буквально по кирпичу выстраивая свою значимость.

Его телефон в кармане завибрировал. Сообщение от Лены, отправленное с другого номера, высветилось на экране: «Трус. Ты даже не представляешь, как она над тобой смеется. Наслаждайся своим пепелищем».

Сергей Иванович удалил сообщение и вызвал такси в приложении, чувствуя, как внутри него окончательно и бесповоротно воцаряется безразличие к этим двум женщинам, которых он когда-то любил.

Глава 4. Каверна

Дом, который Сергей Иванович когда-то называл своей крепостью, превратился в изысканную пыточную камеру. Каждая деталь интерьера, которую они когда-то выбирали вместе с любовью и спорами, теперь словно ошетичилась против него. Шарканье его махровых тапочек по дороговому паркету теперь казалось ему вызывающе громким, почти неприличным в этой звенящей, стерильной тишине огромного дома. Он старался ступать как можно тише, почти на цыпочках, боясь потревожить невидимые границы, которые Марина прочертила между ними.

Марина не устраивала скандалов; она просто перестала его замечать, вычеркнув из своей реальности с пугающей эффективностью. Раньше их утро начиналось с аромата свежего омлета и обсуждения планов на отпуск, но теперь всё изменилось. За завтраком она ставила на стол одну чашку кофе — свою, из тонкого фарфора, — читала новости в планшете и уходила, не проронив ни слова, оставляя его наедине с гнетущим чувством собственной никчемности.

Однажды он не выдержал и, переминаясь с ноги на ногу у кухонного острова, тихо произнес:

— Марин, может, нам... может, стоит поговорить? Нам ведь нужно решить, как быть с нашим совместным бизнесом. Владелица теперь ты... — он не договорил, осекшись. Действительно, какой теперь мог быть разговор о «совместном бизнесе» — подумал он.

Она даже не подняла глаз от экрана, лишь слегка повела плечом, словно отгоняя назойливое насекомое.

— Я опаздываю в салон красоты, — сухо ответила она, обращаясь к пространству где-то за его левым ухом. — Ключи от гаража на полке, если решишь поехать в город. Только не забудь про сигнализацию.

Ее голос был лишен металла или злости — в нем была лишь абсолютная, ледяная пустота. Она прошла мимо него, обдав тонким ароматом своих духов, которые он сам подарил ей на новый год, и дверь за ней закрылась с негромким щелчком.

Вечера были еще тяжелее. Сергей Иванович ютился в маленькой комнатке, которая когда-то была кладовой. Теперь это было его единственное легальное убежище. Он сидел на колченогом табурете, глядя на нагромождение вещей, которые когда-то имели значение: здесь была старая катушка, с которой он выудил своего первого крупного окуня, и запыленный ящик с набором дорогих отверток. Все это пахло сталью, машинным маслом и несбывшимися надеждами.

Прожив неделю в бывшей кладовой среди коробок с инструментами и старых рыболовных снастей, Сергей Иванович понял: он не может так больше. Каждый раз, когда он слышал ее шаги в коридоре, его сердце предательски сжималось, а когда она проходила мимо, даже не кивнув, он чувствовал себя прозрачным призраком в собственном доме. Статус «гостя из милости» разъедал его изнутри сильнее, чем осознание грядущего развода.

Глава 5. Крен

В среду, вместо того чтобы поехать на объект, он отправился к Лене. Руки на руле слегка подрагивали, а в салоне автомобиля пахло свежими цветами. В багажнике лежал огромный букет белых лилий — он помнил, что Лена любила их тяжелый, дурманивший аромат, который всегда напоминал ей о детстве, знойных летних вечерах на веранде у бабушки. Эти цветы казались ему идеальным щитом, универсальным извинением за всё содеянное. Проезжая мимо знакомых пятиэтажек, он то и дело поглядывал в зеркало заднего вида, словно проверяя, не растерял ли он по дороге свою уверенность. Он надеялся, что гнев Лены — лишь временная буря, которую можно укротить привычными мужскими жестами: дорогими подарками, винноватым взглядом и букетом, стоимостью в чей-то месячный оклад.

Дорога до её дома заняла вечность. Припарковав машину во дворе за трансформаторной будкой, он долго оправлял пиджак и проверял, не помялись ли лепестки. Он несколько минут стоял у знакомой двери, прежде чем решился нажать на звонок, вслушиваясь в биение собственного сердца. За дверью послышались шаги, шорох, заминка, а затем — сухой щелчок замка.

Лена стояла на пороге в старой футболке, перепачканной краской, с небрежным пучком на голове, из которого выбилось несколько прядей. От неё пахло растворителем и свежим холстом — запахи её настоящей жизни, в которой ему, кажется, больше не было места. В её глазах не было ни радости, ни даже той жгучей обиды, на которую он рассчитывал, готовя свою покаянную речь. Там было нечто худшее — холодное любопытство, как при взгляде на назойливое насекомое, внезапно залетевшее в мастерскую.

— Пришел за остатками совести? — спросила она вместо приветствия, даже не глядя на цветы, которые он выставил перед собой как знамя.

— Леночка, послушай... — он шагнул вперед, сокращая дистанцию и пытаясь всучить ей букет, который теперь казался нелепым венком для их «бывших» отношений. — То, что я сказал по телефону... это был цирк, постановка. Марина стояла прямо надо мной, буквально дышала в затылок, она вынудила меня! Ты же понимаешь, мне нужно было сохранить лицо, защитить активы... Это же всё ради нашего будущего, понимаешь? Просто временный маневр.

Он замолчал, ожидая, что она хотя бы возмутится, начнет кричать или бросит цветы ему в лицо. Он ждал эмоций, которые можно было бы купировать обьятиями.

— Активы? — она наконец посмотрела на него, и в этом взгляде он увидел свое полное ничтожество. — Ты защищал куски бетона и цифры на счету, пока я ждала, что ты защитишь меня.

— Но я же здесь! — почти жалобно воскликнул он. — Я привез твои любимые лилии. Давай просто забудем тот разговор, это была техническая необходимость.

Лена вдруг коротко и сухо рассмеялась.

— «Техническая необходимость»? Сережа, ты в ту ночь по телефону не просто меня предал. Ты предал ту иллюзию, которую я сама себе придумала, тщательно выстраивая её из твоих пустых обещаний и редких встреч. Я ведь думала, что ты сильный человек, попавший в ловушку скучного брака, благородный герой, вынужденный носить маску ради общего блага. А ты оказался просто мелким бухгалтером своей жизни, который считает, где ему выгоднее пристроить свои чувства, и высчитывает дебет с кредитом даже там, где должна быть элементарная порядочность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.